

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 382–410

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 382–410

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-382-410

**Столетняя история России глазами японского ученого.
Рецензия на книгу Окада Сусуму
«От советского социализма
к российскому капитализму.
Столетняя история общества
и экономики России»**

И. П. Лебедева

Аннотация

В 2022 г. издательство «Тосиндо» выпустило книгу известного японского ученого, почетного профессора Токийского университета иностранных языков Окада Сусуму. Книга охватывает огромный исторический период, на протяжении которого советское, а затем и российское общество, экономика страны пережили ряд полных драматизма трансформаций, аналогов которым не существует в человеческой истории. Будучи профессионалом высокого класса, профессор Окада вычленил наиболее важные события и проблемы в столетней российской истории, продемонстрировав глубокое понимание их сути. Для анализа происходивших на протяжении столетия изменений в экономике и обществе России профессор Окада использовал проблемно-исторический подход.

Книга состоит из трех разделов. В первом разделе «Два системных переворота» анализируются особенности экономического развития России от Октябрьской революции до развала Советского союза и начала становления новой России. Во втором разделе «Изменение экономической системы и положение трудящихся» рассматривается широкий комплекс вопросов, характеризующих ситуацию в различных сферах жизни общества при Советском Союзе и в постсоветской России. Наконец, третий раздел «Советский социализм и российский капитализм» содержит анализ сущности как советского социализма, так и современного российского капитализма.

Каждая глава снабжена обширным списком литературы (в основном русскоязычной), начиная с академических трудов и кончая периодикой.

В строгий академический анализ вплетены интересные детали, что свидетельствует о прекрасном знании автором российских реалий, причем не только советского и постсоветского периодов, но и более ранних времен. К сожалению, в короткой рецензии невозможно отразить все достоинства книги профессора Окада, но, несомненно, что она вносит важный вклад в изучение нашей страны, перипетий ее развития в Японии.

Ключевые слова: Россия, СССР, советский социализм, российский капитализм, революция, сталинизм, перестройка, номенклатурный капитализм.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник, Центр японских исследований Института востоковедения РАН, 103031 Москва, ул. Рождественка, 12.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

**A Hundred-Year History of Russia Through
the Eyes of a Japanese Scholar.
Review of Okada Susumu's Book
From Soviet Socialism to Russian Capitalism.
*A Hundred-Year History
of Russian Society and Economy***

I. P. Lebedeva

Abstract

In 2022, the Toshindo Publishing House published a book by a famous Japanese scholar, Honorary Professor of Tokyo University of Foreign Languages Okada Susumu. The book covers a huge historical period, during which the Soviet and later Russian society and the country's economy went through a series of dramatic transformations, which have no analogues in human history. Being a high-class professional, Professor Okada identified the most important events and problems in the hundred years of Russian history,

demonstrating a deep understanding of their essence. Professor Okada used a problem-historical approach to analyze the changes in the Russian economy and society over the course of a century. The book consists of three sections. The first section, “Two Systemic Upheavals,” analyzes the features of Russia’s economic development from the October Revolution to the collapse of the Soviet Union and the beginning of the formation of a new Russia. The second section, “Changes in the Economic System and the Situation of Workers,” examines a wide range of issues characterizing the situation in various spheres of society in the Soviet Union and post-Soviet Russia. Finally, the third section, “Soviet Socialism and Russian Capitalism,” contains an analysis of the essence of both Soviet socialism and modern Russian capitalism. Each chapter is provided with an extensive list of literature (mostly in Russian), from academic works to periodicals. Interesting details are woven into the rigorous academic analysis, which indicates the author’s excellent knowledge of Russian realities, not only of the Soviet and post-Soviet periods, but also of earlier times. Unfortunately, it is impossible to reflect all the advantages of Professor Okada’s book in a short review, but there is no doubt that it makes an important contribution to the study of our country and the vicissitudes of its development in Japan.

Keywords: Russia, USSR, Soviet socialism, Russian capitalism, revolution, Stalinism, Perestroika, nomenklatura capitalism.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Летом 2022 г. в издательстве «Тосиндо» вышла книга известного японского русиста, почетного профессора Токийского университета иностранных языков Окада Сусуму. Эта книга – своего рода итог многолетнего изучения профессором Окада России в разные периоды ее истории. Теоретической основой его трудов является марксистская политэкономия, с ее строгим категорийным аппаратом и безупречной логикой. Это сказалось и на качестве рецензируемой работы, которую отличает глубокий анализ исследуемых проблем, четкое и ясное изложение материала.

Написать столь объемный и емкий труд, охватывающий столетнюю историю России, вычленив наиболее важные проблемы и этапы в развитии ее экономики и общества профессору Окада помогло прекрасное знание российских реалий и блестящее владение русским языком. Достаточно сказать, что профессор Окада перевел на японский язык порядка десятка книг выдающихся советских и российских ученых-экономистов, не говоря уже о множестве статей. Книга прекрасно фундирована, как принято сейчас говорить. Каждая глава снабжена обширным списком литературы (в основном русскоязычной), начиная с академических трудов и кончая периодикой. В строгий академический анализ вплетены интересные детали, с которыми было бы любопытно ознакомиться не только японским, но и российским читателям.

Особую ценность книге профессора Окада придает тот факт, что в Японии, к сожалению, все меньше остается специалистов по России. Старшее поколение постепенно отходит от дел, а новых имен мы практически не знаем. Хочется надеяться, что времена изменятся, интерес к нашей стране вновь возродится, и книга профессора Окада, несомненно, сыграет важную роль в воспитании нового поколения японских русистов.

Для анализа происходивших на протяжении столетия изменений в экономике и обществе России профессор Окада использовал проблемно-исторический подход. Книга состоит из трех разделов. В первом разделе «Два системных переворота» анализируются особенности экономического развития России от Октябрьской революции до развала Советского Союза и начала становления новой России. Во втором разделе «Изменение экономической системы и положение трудящихся» – самом объемном разделе работы – рассматривается широкий комплекс вопросов, характеризующих ситуацию в различных сферах жизни общества при Советском Союзе и в постсоветской России. Наконец, третий раздел «Советский социализм и российский капитализм» содержит анализ сущности как советского социализма, так и современного российского капитализма.

Хотя изложение материала начинается с анализа характера Октябрьской революции, рассматривая ее предпосылки, автор описывает и реалии царской России, сделавшие неизбежными крах монархии. После освобождения крестьян в 1860 г. в России при поддержке правительства довольно быстро стал развиваться капитализм, но в целом

страна продолжала оставаться полуфеодальным государством, с господством архаичной системы помещичьего землевладения и сохранением абсолютной монархии. Автор приводит данные, иллюстрирующие ужасающие условия труда рабочих на вновь созданных капиталистических предприятиях. Полуфеодальные отношения, пронизывавшие всю систему общества, сделали невозможным осуществление прогрессивных по тому времени столыпинских реформ, и в целом вплоть до 1917 г. какие-либо значимые буржуазно-демократические преобразования не были осуществлены. В то же время, происходил рост численности рабочего класса, сопровождавшийся его концентрацией на ряде крупнейших предприятий, возникли политические партии, в том числе марксистского направления. Иными словами, началось формирование предпосылок для революции. Их вызревание сильно ускорила Первая мировая война, приведшая к падению монархии и Февральской революции 1917 г.

Что касается последующих событий, то профессор Окада подчеркивает важную роль Советов – возникших независимых органов власти рабочих, солдат и крестьян, на которые и призывал опираться Ленин, требуя передачи им всей полноты власти. В октябре 1917 г. Временное правительство было свергнуто, и власть перешла к советам во главе с Чрезвычайным рабоче-крестьянским правительством.

Далее профессор Окада анализирует первые шаги советской власти, справедливо отмечая, что особая сложность стоявших перед ней задач была связана с тем, что формально открывая путь к социализму, она вынуждена была решать задачи буржуазно-демократической революции. Последние были решены путем принятия целого ряда прогрессивных трудовых и социальных законов, Декрета о мире, Декрета о земле.

Была проведена национализация банков, введен рабочий контроль на предприятиях и предпринят целый ряд других мер, отвечавших интересам большинства населения. Однако, что касается дальнейших шагов, то в партии большевиков шла ожесточенная дискуссия по этому вопросу.

Анализируя эти внутривнутрипартийные противоречия, профессор Окада четко определяет причины их возникновения. Дело в том, что Маркс писал о социалистической революции применительно к странам, где уже созрели материальные предпосылки для нее. А что касается самого социализма, то на вооружении у большевиков были лишь самые

общие, абстрактные высказывания классиков марксизма. Наибольшую же сложность представляло то, что у классиков не было указаний, какими должны быть экономические отношения с возникшей огромной массой мелких крестьян-товаропроизводителей, составлявших порядка 80% населения России. В конечном итоге победила точка зрения сторонников Ленина, считавших, что для организации производства и налаживания контроля и учета необходимо пойти на временное сотрудничество с буржуазией и специалистами. Однако «реалии на земле» – интервенция, гражданская война и тяжелая экономическая ситуация – отложили на время реализацию этого курса, и был введен Военный коммунизм с его жесткой централизованной системой управления, отменой денег, бесплатным предоставлением товаров и услуг (с учетом классового положения), а главное – с системой принудительных поставок продовольствия крестьянами. Он просуществовал до 1921 г., когда на смену ему пришла новая экономическая политика – нэп.

Будучи ученым-марксистом, профессор Окада большое внимание уделяет теоретической стороне рассматриваемых вопросов. В частности, в контексте анализа изменений, которые привнес переход к нэпу, он обращается к идеям Ленина об «особом переходном периоде» и «обратном порядке». Понимая, что в такой крестьянской стране, как Россия непосредственный переход к социализму невозможен, Ленин обосновал необходимость «особого переходного периода», в течение которого народное хозяйство будет в целом управляться на основе товарно-денежных отношений, а отношения с крестьянством будут строиться на принципах паритетного обмена. Хотя этот чревато возрождением капиталистических отношений, сохранение командных высот в руках государства поможет сдерживать этот процесс. В то же время, осознавая, что в России отсутствуют экономические и культурные предпосылки социализма, он предлагал постепенно создавать их с опорой на советскую власть. Однако, как подчеркивает профессор Окада, детальных очертаний этого пути Лениным представлено не было.

Как известно, после смерти Ленина в 1924 г. власть начала все больше концентрироваться в руках Сталина, партийная демократия была фактически подавлена, одновременно шло выхолащивание советов, нарастала бюрократизация партийного и государственного аппарата. Был взят курс на ускоренную индустриализацию с упором

на импорт западных технологий, основным источником средств для которой стала принудительная коллективизация деревни. В 1936 г. была принята сталинская конституция, провозгласившая, что в СССР построен социализм. Перечисляя такие его характеристики, как функционирование народного хозяйства на основе плановой системы, господство общественной формы собственности, гарантии права на труд и на жизнь, предоставление всем гражданам доступа к бесплатному образованию и медицинскому обслуживанию и т.д., профессор Окада задается вопросом – можно ли эту систему считать социалистической? Поскольку более подробно он рассматривает этот вопрос в третьем разделе работы, отметим здесь лишь основной вывод профессора. Это была особая экономическая система мобилизационного типа, возникшая вследствие формального восприятия социализма как предельно централизованной системы и в результате преодоления «одним махом» всех тех трудностей, о которых говорил Ленин, выдвигая идею об «обратном порядке».

Эта система продемонстрировала свою силу в период войны и послевоенного восстановления. Однако, как показывает автор в подразделе с красноречивым названием «Советский социализм: от реформ к саморазрушению», уже с брежневских времен стали исчерпываться факторы, поддерживавшие экономический рост, по уровню жизни СССР все больше отставал от западных стран, у предприятий отсутствовали стимулы к техническому прогрессу, существовали одновременно затоваривание и дефицит. Всевластие бюрократии воспрепятствовало осуществлению реформ Косыгина, которые так и остались незавершенными. Что касается Перестройки, то профессор Окада видит основную причину ее неудач в следующем. Хотя в плане демократизации политической системы были приняты важные меры (признание гражданских свобод, запрет на цензуру, отделение партии от государства, введение многопартийной системы и т. д.), в области экономики четкого видения реформ не было, и, несмотря на определенные шаги (такие, как диверсификация форм собственности, демократизация управления предприятиями), перестройка так и не смогла выйти за пределы «советского социализма». На наш взгляд, здесь важно подчеркнуть тезис автора о том, что «советский социализм» саморазрушился, а не пал в результате заговора внешних сил, что стало модно проповедовать в нынешней России. Этому вопросу посвящена вторая глава первого раздела.

В ней автор приводит статистические данные, показывающие, как экономика страны все больше погружалась в застой, характеризуя систему, просуществовавшую, по сути, до краха СССР, как неосталинизм. Он убедительно доказывает невозможность расширения независимости предприятий в рамках плановой системы при значительном увеличении масштабов экономики, многократном росте числа производств и резком расширении номенклатуры выпускаемой продукции. При такой системе решающую роль играло распределение материальных ресурсов, приоритет отдавался отраслям военно-промышленного комплекса и тяжелой промышленности, а прочие отрасли страдали от постоянного дефицита средств. В рамках этой системы шло формирование личных связей между государственной бюрократией и директорами заводов, а между предприятиями через «толкачей» совершался обмен с целью реализации избыточных или получения недостающих ресурсов. У предприятий не было ни стимулов к расширению производства, ни стремления к научно-техническому прогрессу.

Что касается экономической перестройки, то причины ее провала, как уже отмечалось, профессор Окада видит в отсутствии четкого видения реформ. В целом Горбачев создал условия для реализации косыгинских реформ – расширения независимости предприятий в рамках плановой системы. За пределами выполнения обязательных плановых показателей предприятия могли проводить свободные сделки. Было также введено самоуправление на предприятиях, включая право выбора директоров, однако оно толком не заработало из-за сильного влияния сложившейся десятилетиями практики управления. Что касается диверсификации форм собственности (разрешение индивидуального предпринимательства и кооперативов), то не было ясного представления, каким образом решать различные проблемы, возникшие вследствие этого.

В обществе шли горячие дискуссии. Реформам сопротивлялась наиболее консервативная часть партийного и государственного аппарата. Лишь в декабре 1990 г. была одобрена Верховным советом программа «500 дней», предложенная сторонниками реформ. Тем временем экономическая ситуация быстро ухудшалась, нарастал дефицит самых необходимых товаров, процветал подпольный рынок. К 1991 г. ситуация резко ухудшилась, было очевидно, что плановая система не функционирует, а рынок не заработал. Из-за снижения цен на нефть и роста цен на импортные товары, а также из-за затруднений

со сбором союзных налогов в катастрофическом положении оказались государственные финансы. Начался парад суверенитетов, республики одна за другой стали провозглашать независимость.

Вывод, который делает профессор Окада, проанализировав детально ход экономической перестройки, объективен и точен. А именно: как единое экономическое пространство Советский Союз перестал существовать еще до того, как был официально распущен.

В заключительной части главы профессор Окада рассматривает вопрос о том, каким образом в период перестройки шло зарождение капитализма. Он полагает, что партийная и государственная бюрократия, директора заводов, воспользовавшись своими административными возможностями и связями, на волне «приватизации государственных предприятий», роспуска ряда министерств смогли превратить свои властные полномочия в капитал (через получение солидных пакетов акций, создание «карманных» банков и т. д.). При этом профессор Окада упоминает и «комсомольскую экономику», а именно получение лидерами комсомола ряда привилегий (в частности, доступ к валютным операциям и разрешение на создание совместных предприятий). Организовав импорт дефицитных товаров и их продажу по высоким ценам внутри страны, а также за счет сделок по сдаче в аренду недвижимости они смогли накопить огромные средства. (Одним из наиболее известных их представителей стал М. Ходорковский).

Иными словами, заключает профессор Окада, вместо того, чтобы дать второй шанс социализму, перестройка привела к зарождению «номенклатурного капитализма».

Как отмечалось, во втором разделе монографии автор рассматривает широкий комплекс проблем, показывающих, что представляло собой советское общество и какие изменения оно претерпело в постсоветское время. При этом те этапы развития страны, которые в предыдущем разделе были рассмотрены с точки зрения экономического развития, теперь автор препарирует с акцентом на вопросы, связанные с положением трудящихся. Этот раздел насыщен множеством деталей, цифр и фактов, которые подтверждают положения и выводы автора, одновременно свидетельствуя о его удивительной научной добросовестности, глубоком погружении в исследуемые вопросы. Ниже мы приведем лишь краткую выжимку из материалов раздела.

Что касается советского периода, то анализируя ситуацию в плане соответствия реального положения дел и формальных лозунгов, профессор Окада показывает, как по мере укрепления сталинской модели социализма расхождение между ними становилось все более и более очевидным.

Октябрьская революция действительно резко изменила положение рабочего класса. Из наемных работников, задешево продававших свой труд, они превратились в движущую силу революции и созидателей нового общества. Правда, направить их энергию в нужное русло было трудно с учетом специфического состава российского рабочего класса, а именно с преобладанием в нем вчерашних крестьян и крестьян-отходников, сохранявших приверженность общинному сознанию.

Сразу после революции был принят ряд прогрессивных законов в сфере труда: установлен 8-часовой рабочий день и ограничены сверхурочные, введена система соцзащиты труда, поддержки детей, женщин и инвалидов, до 100% повышены размеры компенсации в случае производственной травмы. Уровень заработной платы стал определяться на основе соглашений между нанимателями и работниками по принципу «равной оплаты за равный труд». Рабочие комитеты получили право выбирать управленцев, хотя это часто вело к дезорганизации производства.

Конечно, военный коммунизм привел к изменению ситуации – произошла централизация управления с урезанием прав рабочих комитетов и профсоюзов. Но в период нэпа трудовые отношения вновь стали регулироваться соглашениями между профсоюзами и нанимателями (включая и перешедшие на хозрасчет государственные предприятия), хотя профсоюзы не имели права напрямую вмешиваться в управление предприятиями. При этом уровень жизни рабочих оставался крайне низким: лишь к 1928 г. размеры заработной платы достигли показателей 1913 г. Численность безработных к 1929 г. достигла 1,7 млн человек. Поскольку запрещенные в период военного коммунизма забастовки вновь были разрешены, в период нэпа усилилась роль профсоюзов в защите прав трудящихся. По данным, которые приводит профессор Окада, за 1922–1928 гг. в стране прошло более 2 тыс. забастовок, в которых приняли участие 8,5 млн человек.

Однако ситуация с правами трудящихся начала быстро меняться с переходом к «подобной буре» индустриализации. В 1930 г. были введены трудовые книжки, без которых невозможно было устроиться

на работу, а также паспортная система, при которой без разрешения нельзя было сменить место проживания. Для обеспечения строек рабочей силой завозились бригады из колхозов и совхозов, члены которых не могли добровольно оставить работу. ГУЛАГ отвечал за поставку «политических преступников», которые включались в государственные планы как источник рабочей силы.

При этом материальное положение самих рабочих, численность которых увеличилась с 2,8 млн в 1928 г. до 11,7 млн в 1937 г., оставалось тяжелым. Так, за 1925–1937 гг. номинальная зарплата рабочих выросла в 5,5 раз, а цены на продовольствие – в 8,8 раза. Условия труда ужесточились. С целью повышения производительности труда были введены нормы выработки. С первого пятилетнего плана стало насаждаться социалистическое соревнование, началось движение за перевыполнение плана, наиболее яркой формой которого стало стахановское движение. Одновременно были установлены привилегии для партийной и государственной элиты.

Что касается профсоюзов, то, как отмечает профессор Окада, к концу 1920-х гг. они окончательно утратили свою независимость и были полностью подчинены государству. Их целью стала мобилизация трудящихся на строительство социализма. После 1935 г. уже не заключалось никаких трудовых соглашений, заработную плату устанавливало государство. Формально забастовки не были запрещены, но на практике не допускались. При этом происходила все большая бюрократизация центральных органов профсоюзов.

В 1936 г. было объявлено о построении в СССР социализма. Отмечая такие положительные изменения в положении рабочего класса, как гарантирование права на труд и отдых, права на жизнь, введение распределения по труду, доступ к системе социального обеспечения, профессор Окада в то же время подчеркивает, что рабочие не только были отстранены от участия в управлении, но и лишились права на самостоятельные действия через профсоюзы. Что же касается движения передовиков производства, призывов к перевыполнению плана, организации социалистического соревнования, то их профессор Окада справедливо называет насаждаемыми «сверху» квази-формами «участия рабочих в управлении», не имевшими отношения к тому, что вкладывали в это понятие классики.

Анализируя последующие этапы «советского социализма» с точки зрения изменений в положении трудящихся и их участии

в управлении производством, профессор Окада обращает внимание на следующие моменты.

После смерти Сталина и XX съезда КПСС предпринимались попытки ослабить жесткость сложившейся системы управления народным хозяйством. В частности, на это были направлены реформы Косыгина, которые привели к относительному росту самостоятельности предприятий, ослабили их зависимость от министерств, ввели хозрасчет. Однако, как отмечалось, из-за сопротивления бюрократии и опасений, что демократизация может привести к событиям, подобным «пражской весне», они не были завершены. Но в то же время произошло определенное усиление влияния профсоюзов. Так, без их согласия руководство не могло уволить работника, на предприятиях были созданы комиссии по охране труда. Кроме того, профсоюзы по-прежнему занимались распределением путевок, туристических поездок, предоставлением материальной помощи, культурной и образовательной деятельностью. Более того, через Центральную федерацию профсоюзов рабочие коллективы могли направлять правительству (в лице Госкомитета по труду и заработной плате) свои предложения.

Чтобы повысить мотивацию работников, их заинтересованность в делах предприятий в 1958 г. были возрождены производственные комитеты, которые выбирались работниками и состояли из представителей рабочих, руководства, партийной организации и профсоюза. Они занимались выполнением плана, организацией соцсоревнования, сбором предложений для руководства, что, по мнению профессора Окада, вряд ли можно считать «участием в управлении».

В 1977 г. был провозглашен переход от «диктатуры пролетариата» к «всенародному государству», в котором центральное место отводилось человеку как главной движущей силе НТП. В 1983 г. был даже принят Закон о трудовом коллективе, который предоставлял последнему полномочия в принятии решений в отношении производственной и прочих сторон деятельности предприятия.

Что касается положения работников, то по сравнению со сталинскими временами по целому ряду показателей оно улучшилось. В 1960 г. была введена 41-часовая рабочая неделя с двумя выходными днями, с 1980 г. ее продолжительность была сокращена до 40 часов. Был разрешен свободный выбор работы (за исключением выпускников вузов, которые трудоустраивались по распределению). Размеры минимальной заработной платы устанавливались на уровне не ниже

прожиточного минимума, не было безработицы, хотя и существовала высокая текучесть кадров.

Но что касается уровня жизни, то, как уже отмечалось, экономика все больше деградировала, рост номинальных доходов населения не сопровождался адекватным ростом предложения товаров и услуг. На фоне все более обостряющегося дефицита самых необходимых товаров продолжала существовать система привилегий для верхушки партийного и государственного аппарата. Все это привело к перестройке, которая стала последней попыткой улучшить «советский социализм».

Что же она принесла трудящимся? С одной стороны, были приняты законы, создававшие условия для реального участия рабочих в управлении. Помимо разрешения на создание независимых от государства предприятий, в 1987 г. был принят Закон о государственных предприятиях, который возродил систему самоуправления. Так, по закону управление предприятием осуществляют совместно руководство и трудовой коллектив, который и выбирает руководителей предприятия. Все ключевые решения принимает собрание трудового коллектива, а назначенная им контрольная комиссия оценивает деятельность руководства. Однако этот закон заработал далеко не везде – как в силу нехватки знаний и опыта, так и вследствие сохранения плановой системы, дефицита ресурсов, отсутствия рыночной инфраструктуры. Но уже следующий закон – принятый в 1990 г. Закон о предприятии – постулировал, что управление предприятием осуществляется совместно трудовым коллективом и собственником средств производства, в компетенцию которого входит и назначение руководства. Ключевые решения принимает коллективный орган, состоящий из представителей трудового коллектива и лиц, назначенных собственником (в равном количестве). А в принятом в том же году Законе о предприятии РСФСР уже не было и речи о самоуправлении, управление предприятием передавалось в руки собственника, а функции контрольной комиссии ограничивались сферой социального обеспечения.

Иными словами, заключает профессор Окада, «рабочее самоуправление», «участие рабочих в управлении» остались нереализованной мечтой.

После распада СССР экономическая жизнь России оказалась дезорганизована, и положение трудящихся резко ухудшилось. Произошло обесценение вкладов, страну захлестнула гиперинфляция,

выросла безработица (до 13,2% в 1998 г.), обычным явлением стали невыплата зарплаты, сокращение рабочего дня и вынужденные отпуска, процветала бартерная торговля, в медицине и образовании расширилась доля платных услуг. В стране шла борьба за передел собственности, в том числе с участием мафии.

Что же касается трудящихся масс, то они вновь превратились в наемных работников, но при этом оказались лишены многих благ, которые воспринимали как «благоденствие» советской власти. Правда, важным шагом, многих примиривших с печальной действительностью, стала приватизация квартир, т.е. их безвозмездный переход в собственность проживавших в них людей.

Но если говорить о приватизации огромной государственной собственности, то основная масса обычных граждан оказалась в результате «за бортом» этого процесса. «Залоговые аукционы» и торги по продаже государственных предприятий были организованы, по сути, «для своих». Ваучеры, дававшие гражданам право на обладание частью государственной собственности, в конечном итоге разными путями перешли в руки финансистов и инвесторов. Единственной формой приватизации, открывавшей дорогу для превращения работников в собственников предприятия, была продажа акционированных предприятий их работникам. При этом 3/4 предприятий избрали схему, при которой трудовой коллектив получал 51% обычных акций по цене в 1,7 раза выше номинальной. Однако из-за тяжелого положения многих предприятий, перед угрозой банкротства руководство могло через ограничение заработной платы вынудить работников продать свои акции. Вот, например, как изменилась структура собственности на акционированных предприятиях. Если в 1994 г. внутренним акционерам принадлежало 62% акций, в том числе 53% работникам и 9% руководству, то в 2007 г. им принадлежал 51% акций, но при этом доля работников сократилась до 13%, а доля руководства поднялась до 38%.

В контексте рассмотрения проблемы участия работников в управлении профессор Окада обращается к еще одной форме предприятий – так называемым народным предприятиям, закон о которых был принят в 1998 г. Анализируя правила, регулирующие их деятельность (начиная с требования о том, что 75% акций должны принадлежать работникам, и кончая правом собрания акционеров принимать все ключевые решения, в том числе и в отношении размеров вознаграж-

дения руководства), он отмечает, что это наиболее прогрессивный вид предприятий в плане возможностей участия работников в управлении. Однако в силу целого ряда обстоятельств – как объективных, так и субъективных – он не получил сколько-нибудь существенного развития. В 2017 г. в России насчитывалось 85 тыс. акционерных компаний и только 40 народных предприятий. Характерно, что по данным одного из опросов, проведенных в 2015 г., среди российских управленцев 64% вообще не знали о существовании такой формы предприятий, и лишь 24% имели о ней представление.

Как известно, с начала 2000-х гг. в стране начался экономический подъем, который продолжался до середины следующего десятилетия (до введения западными странами санкций после крымских событий). Выросли зарплаты, повысился уровень жизни населения, снизилась безработица. Но новой реальностью стало колоссальное расслоение населения. По данным, которые приводит профессор Окада, в 2014 г. зарплата 10% получателей наивысших доходов в 14,1 раза превышала зарплату получателей наинизших доходов. При этом он отмечает такую особенность России, как значительная разница в уровне заработной платы работников между отраслями и регионами. Кроме того, он обращает внимание на колоссальный разрыв в оплате труда высших управленцев и рядовых работников. Так, по данным за 2003 г. по 20 холдингам годовой доход управленцев класса А в 360 раз превышал годовую заработную плату производственных рабочих, а доход управленцев класса В превышал ее в 104 раза, что значительно превосходит аналогичные показатели в западных компаниях.

Что же касается роли профсоюзов, то, как отмечает профессор Окада, произошло и ослабление их деятельности, и изменение их сущности. Число членов, входящих в Федерацию независимых профсоюзов, сократилось с 65 млн в 1992г. до 20,7 млн в 2000 г., а число самих профсоюзных организаций – с 300 тыс. до 190 тыс. Он объясняет это ослаблением классового сознания, все большей индивидуализацией сознания работников, ростом недоверия к профсоюзам и осознанием необходимости полагаться, прежде всего, на собственные силы. В 2019 г. по данным Левада центра лишь 23% работников считали, что профсоюзам стоит доверять. Что же касается центральных органов, то они фактически действуют в русле государственных интересов, а не интересов трудящихся (пример – повышение пенсионного

возраста). Они превратились в бюрократившиеся структуры, утратившие доверие рядовых работников.

Таким образом, заключает профессор Окада, быстрый переход к капитализму, превращение номенклатуры в капиталистов не улучшили ситуацию для рядовых трудящихся. Они не только превратились в наемных работников, но и утратили многие из прежних «благотворений».

Под «благотворениями» профессор Окада имеет в виду бесплатное предоставление государством всем гражданам страны разного рода социальных благ и услуг. При этом он подчеркивает, что система социального обеспечения, существовавшая в СССР, оказала большое влияние на формирование в западных странах современной модели государства благосостояния или социально-ориентированного государства.

Как показано в монографии, ростки системы социального обеспечения зародились в России еще при Петре Первом (в виде пенсий для получивших ранение и уволенных из армии военных и возложенной на владельцев заводов обязанности бесплатно лечить рабочих). При Екатерине Второй в каждой губернии были созданы благотворительные фонды и различные благотворительные учреждения. При Александре Втором рабочие шахт и рудников, находившихся в государственном ведении, получили право на пособие по временной нетрудоспособности. На уральских шахтах были созданы товарищества, в которые отчислялись 2–3% зарплаты для выплаты пособий заболевшим или получившим увечье работникам. Постепенно учреждались пенсионные системы. В XX в. наиболее значимым событием стало введение в 1912 г. системы страхования рабочих по болезни и в случае травмы, причем в первом случае страховые взносы полностью выплачивались работодателем, во втором случае его доля составляла 2/3. Рабочие могли также создавать собственные страховые фонды. В целом, как отмечает профессор Окада, были застрахованы порядка 20% рабочих.

Первым шагом советской власти в социальной сфере стал пересмотр Закона 1912 г. Был расширен охват работников, подпадающих под страхование, уплата взносов была возложена на работодателей, были повышены размеры пособий, введено страхование по безработице, урезаны пенсии «спецам». Была также создана специальная система страхования красноармейцев и членов их семей. Средства

же страховых товариществ были переданы в единый государственный фонд, да и сам термин «социальное страхование» был заменен на «социальное обеспечение». Понятно, что в условиях гражданской войны эта система практически не работала (исключение составляли натуральные выплаты семьям красноармейцев).

В период нэпа система социального страхования вновь возродилась. Для организации этой работы были созданы местные страховые управления. На все предприятия была возложена обязанность уплаты взносов в определенной пропорции от заработной платы. Выплачивались пособия по временной нетрудоспособности (не меньше заработной платы) и по безработице (1/6 от зарплаты в течение 6 месяцев). В систему страхования были включены сезонные и сельскохозяйственные рабочие. Была введена пенсионная система для ученых, преподавателей, деятелей культуры и т. д.

В 1928 г. была учреждена пенсия по старости и установлен пенсионный возраст: для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет (при стаже не менее 25 лет). К 1932 г. этой системой были охвачены уже все отрасли. Для некоторых профессий ввиду тяжести и сложности работы был установлен особый режим пенсионного страхования. Пособие по безработице было упразднено, повсюду открывались биржи труда.

В 1936 г. по сталинской конституции все граждане страны (за исключением колхозников) получили право на труд, отдых, а также на материальную помощь государства по старости, в случае болезни и проч.

Что касается послевоенного периода, то, как отмечает профессор Окада, достаточно высокие темпы роста в 1960-е – 1970-е гг. (6–7%) и благоприятная демографическая ситуация позволяли государству обеспечивать устойчивое развитие системы социального обеспечения. Размеры пенсий и пособий повышались, в 1964 г. была даже создана специальная пенсионная система для колхозников. Расширялась сеть больниц, санаториев, домов отдыха.

В целом, заключает профессор Окада, гарантирование права на труд, предоставление жилья, бесплатная медицина, регулирование цен, доступ к различным общественным благам, низкие цены на транспорт и т.д. делали жизнь советских пенсионеров вполне достойной. При этом финансирование этой системы полностью осуществлялось государством, в стране сложился своего рода государственный патернализм.

Конечно, условия холодной войны и постепенная деградация экономики не могли не сказаться на функционировании этой системы. Неудивительно, что еще в период перестройки высказывалось мнение, что пенсионную систему нужно отделить от бюджета и установить связь между размерами взносов и пенсий. Собственно с этого и начала реформирование системы социального обеспечения новая Россия.

Были созданы Пенсионный фонд, Фонд социального страхования (в 2023 г. они были объединены – прим. рецензента) и Фонд медицинского страхования. Основным источником средств системы социального обеспечения стали взносы. Очевидно, что дезорганизация экономической жизни, переход на бартерные сделки, рост теневого сектора экономики резко ухудшили положение этой системы. Достаточно сказать, что в 1999 г. пенсия составляла 70% от прожиточного минимума и 29,5% от уровня заработной платы.

С улучшением экономической ситуации с начала 2000-х гг., по мере повышения доходов населения начало улучшаться и положение системы социального обеспечения, хотя отягчающим фактором стал заметный рост числа пенсионеров. В результате в 2018 г. размер пенсии составил 30,7% от уровня заработной платы, что существенно ниже советских показателей. При этом, если пенсии неработающих пенсионеров ежегодно индексируются в соответствии с инфляцией, то в отношении работающих пенсионеров с 2016 г. индексации пенсий не производится. Более того, в 2019 г. был повышен пенсионный возраст: для женщин до 63 лет, для мужчин до 65 лет (правда, в дальнейшем из-за протестов для женщин пенсионный возраст был понижен до 60 лет).

Что касается медицинского страхования, то ОМС дает право на получение лишь определенного набора медицинских услуг, целый ряд услуг можно получить только на платной основе. Существуют частные системы медицинского страхования, но воспользоваться ими могут далеко не все граждане. При этом представители власти и их семьи имеют доступ к бесплатным высококачественным медицинским услугам не только в России, но и за границей. В целом же, как отмечает профессор Окада, по доле расходов на медицину в ВВП – 4% – Россия вдвое уступает развитым странам. При этом, замечает он, существует значительный разрыв в уровне медицинского обслуживания между регионами.

Отдельная глава второго раздела посвящена сфере образования¹. Ее открывают личные впечатления автора от посещения Советского Союза в 1980-е гг. В частности, он упоминает тот факт, что в метро практически все пассажиры читали, а молодые люди уступали места пожилым гражданам. На улицах ему бросилось в глаза то, как молодежь помогает незнакомым пожилым людям нести тяжелые сумки. Это свидетельствовало и о достижениях СССР в сфере образования, и об уровне культуры населения. Сейчас, с сожалением замечает профессор, этого практически не стало.

В советский период в сфере образования был достигнут огромный прогресс. Именно благодаря этому стали возможны достижения СССР в освоении космоса, развитии электроники и других направлений НТП. Сразу после революции началось движение по обучению грамоте взрослого населения, все граждане получили право на бесплатное образование, включая высшее, расширилась сеть школ. Уже к 1939 г. резко повысился уровень грамотности населения – до 87,4%, в том числе до 93,5% среди мужчин и 81,6% среди женщин (в 1917 г. соответствующие показатели составляли 43%, 58% и 29%). К 1959 г. уже стало возможным говорить о достижении всеобщей грамотности: в целом уровень грамотности составил 98,5%, в том числе среди мужчин – 99,3%, среди женщин – 97,8%.

Разумеется, изменилось и содержание обучения. Закон божий был отменен, акцент был сделан на изучении общественных наук, математики, физики, технических дисциплин, биологии, географии, литературы и языка, искусства. Недолгое время существовали школьные комитеты как надзирающие органы, но вскоре эта «вольница» была заменена на централизованную систему управления образованием.

Профессор Окада высоко оценивает вклад Н. К. Крупской в развитие системы образования, в частности ее идеи о необходимости объединить в школьном образовании учебу и производственный труд, а также об организации внешкольного обучения, где дети могут найти себе занятие по душе, реализовать свои творческие способности. Анализируя взгляды Н. К. Крупской, профессор Окада обращается и к работам прогрессивных западных авторов, чьи идеи послужили теоретической базой формирования ее взглядов.

¹ При написании этой главы автор опирался на работы известного японского социолога-русиста, почетного профессора университета Хитоцубаси доктора Сэки Кэйко.

Большой интерес представляют суждения автора о том, как в 1930-е гг. через систему образования происходило пополнение рядов номенклатуры выходцами из рядов рабочего класса и формирование новой элиты. Хорошая учеба и активная поддержка партийной идеологии, отмечает он, стали инструментом, использование которого позволяло сделать карьеру и продвинуться вверх по социальной лестнице, получить доступ к привилегиям. В то же время среди школ появились элитные, которые давали больше шансов на поступление в лучшие вузы и где обучались главным образом дети привилегированных слоев. Более того, появились и профессии, от которых номенклатура отгораживала обычных граждан.

По сути, эта система продолжала функционировать вплоть до развала СССР, хотя в период перестройки ставилась задача освободить систему образования от влияния партийной идеологии, предоставить школам большую свободу, усилить зависимость самореализации человека от его способностей.

В новой России школы действительно получили большую свободу. Усилилось разнообразие школ, появились частные школы, стал возможен свободный выбор учителями учебников и т. д. Правда, в то же время была введена платность высшего образования, даже в ведущих вузах страны количество бюджетных мест было ограничено. В этих условиях доступ к хорошему образованию стал все больше зависеть от материального положения семьи, ее социального положения и культурного капитала. При этом рост числа студентов, обучающихся на платной основе – в известных государственных университетах или вновь возникших частных вузах – не может не вести к общему снижению уровня высшего образования, так как среди них немало людей неспособных и нерадивых, получивших доступ к высшему образованию только благодаря деньгам родителей.

Одновременно профессор Окада указывает на такой недостаток системы школьного образования, как все большая бюрократизация системы управления ею, отмечая, что в современной России бюрократов стало в 2,5 раза больше, чем было во всем СССР. Упоминает он и о загруженности учителей из-за обязанности писать многочисленные отчеты, и о необходимости брать лишнюю нагрузку вследствие низкой зарплаты. Последнее относится, конечно, не ко всей России, а к определенным регионам и, прежде всего, к сельской местности.

В целом же ситуация в нынешней России характеризуется все большим разрывом шансов на получение хорошего образования детьми, проживающими в разных частях страны и принадлежащими к семьям с разным уровнем достатка.

Особое место во втором разделе занимает глава, посвященная крестьянству. Анализируя положение крестьянства до революции, автор отмечает, что освобождение крестьян от крепостной зависимости не привело к сколько-нибудь заметному улучшению их положения. Хотя земля стала их собственностью, из-за бремени займов и налогов многие из них вынуждены были наниматься на работу к помещикам или уходить на заработки в города. Хотя произошло расширение аренды и использования наемного труда, в большинстве деревень сохранялась община, преобладали рутинные методы ведения хозяйства.

Подчеркивая, что Октябрьская революция стала возможной благодаря поддержке крестьян, профессор Окада подробно рассматривает последующий ход событий. Сразу после революции был принят Декрет о земле, объявивший об обобществлении земли и передаче ее во владение крестьянам. Однако они так и не успели ощутить плюсы своего нового положения, поскольку вскоре последовало введение военного коммунизма с его принудительным изъятием продовольствия. Переход в 1922 г. к нэпу, который профессор Окада называет «недолгим периодом счастья», коренным образом изменил положение крестьянства. Продразверстка была заменена продналогом (сначала в натуральной форме, затем в денежной), а излишки крестьяне могли продавать на рынке по свободным ценам. Было даже разрешено использование наемного труда. Положение крестьянства улучшилось, но среди хозяйств преобладали хозяйства натурального типа, основанные на ручном труде, сохранялись общины (которые теперь должны были сотрудничать с сельскими советами).

С 1929 г. началась принудительная коллективизация с целью получения средств для ускоренной индустриализации. К 1930 г. в колхозах состояли уже 60% крестьян, к 1936 г. 90%. Параллельно шло раскулачивание. По данным, которые приводит профессор Окада, раскулачено было порядка 1 млн крестьян (3–5% от общего числа). Колхозники утратили право на перемещение, на них были возложены повинности по обновлению лесов, строительству дорог и т. д. Государство покупало их продукцию по заниженным ценам,

они также должны были платить натуральный и денежный налог. Как отмечает профессор Окада, крестьяне оказались, по сути, в феодальной зависимости.

Очевидно, что все это не могло не привести к падению производства: в 1932 г. его объем составил лишь 73% от уровня 1928 г., поголовье скота сократилось вдвое. Хотя государство создавало МТС, по-прежнему преобладал ручной труд.

Лишь при Хрущеве, отмечает профессор Окада, государство начало расплачиваться за 30-летнюю эксплуатацию крестьян. С крестьян была снята разного рода повинность, были понижены налоги и повышены закупочные цены, предпринимались попытки усилить материальное стимулирование. При Брежневe крестьянам было разрешено свободно уезжать из сельской местности, в 1964 г. были введены пенсии для колхозников. В этот период в сельское хозяйство начали вкладываться огромные инвестиции – в химизацию, механизацию, создание агрокомбинатов, однако они не вели к росту эффективности. Так, за 1970–1985 гг. объем фондов на одного занятого вырос в 3,5 раза, а производительность труда – лишь в 1,5 раза. Закупочные цены не поспевали за ростом себестоимости, и в результате у многих колхозов (в 1980 г. – у 53%) балансы сводились с дефицитом. Темпы роста производства затухали, возрастали объемы импорта, прежде всего мяса.

При Горбачеве была проведена реформа колхозной системы. Колхозы были превращены в независимые организации, выход из них стал свободным. После продажи продукции государству по договорам они могли распоряжаться ею по своему усмотрению, однако, как отмечает профессор Окада, прежде чем реформа дала результаты, пришел Ельцин.

В новой России в 1990 г. была ликвидирована монополия государства на землю, разрешены различные формы собственности. В 1991 г. было объявлено о роспуске колхозов и совхозов. На всю их собственность были выпущены ваучеры, которые члены колхозов и совхозов могли использовать по своему усмотрению. Колхозы и совхозы могли быть преобразованы в акционерные общества или товарищества (ваучеры использовались в качестве пая), желавшие выйти из них получали землю и средства производства (в обмен на ваучеры) для организации собственного бизнеса. Характеризуя эту реформу, профессор Окада использует термин «принудительная расколлективизация», имея в виду, что она была осуществлена стремительно

и без учета сложившихся реалий, т.е. так, как в свое время была проведена коллективизация.

В 2001 г. и 2002 г. были приняты законы, разрешившие продажу соответственно несельскохозяйственной и сельскохозяйственной земли, и в сельском хозяйстве начались процессы концентрации земли и производства. В целом в сельском хозяйстве сложились три формы собственности: сельскохозяйственные кооперативы, фермерские хозяйства, хозяйства сельских жителей и горожан (производство продукции на приусадебных участках и огородах). В 2019 г. на долю кооперативов приходилось 58,2% объема производства, на долю фермерских хозяйств – 13,6%, а приусадебные участки и огороды производили 28,2%. При этом профессор Окада обращает внимание на то, что в тяжелые времена (в частности, в 2000-е гг.) приусадебные участки и огороды обеспечивали до половины производства продукции.

В силу нехватки опыта, неразвитости необходимой инфраструктуры, отсутствия малой техники, нехватки средств и проч. число возникших поначалу фермерских хозяйств постепенно стало сокращаться: с 285 тыс. в 2006 г. до 175 тыс. в 2016 г. Такая же участь постигла и кооперативы: в 2016 г. их насчитывалось порядка 30 тыс., что на 60% меньше, чем десятилетие назад. Но при этом и среди фермерских хозяйств, и среди кооперативов резко усилились позиции крупнейших хозяйств. Вот как иллюстрирует эту ситуацию профессор Окада. Так, крупнейшие фермерские хозяйства, с площадью земли свыше 3 тыс. га, составляя лишь 1,2% от общего числа хозяйств, владеют при этом 1/3 земли. А 10% наиболее крупных кооперативов владеют 83,3% земли. Они представляют собой современные агрохолдинги, применяющие прогрессивные методы производства, имеющие налаженные каналы реализации продукции и сеть зависимых предприятий по переработке продукции.

Отмечая очевидные успехи России в развитии сельского хозяйства (ее превращение в экспортера пшеницы, восстановление к 2018 г. уровня потребления мяса до показателей СССР – 75 кг в год), профессор Окада в то же время обращает внимание на сохранение значительного отставания деревни от города по целому ряду важных показателей. Так, по данным за 2017 г., уровень бедности в сельских районах составил 29% (в городах – 9,6 – 16,0%), а уровень безработицы – соответственно 8% и 4,3%. Порядка 60% домов нуждаются в ремонте и столько же не имеют доступа к водопроводу

и газоснабжению, 2/3 дорог не имеют твердого покрытия, обеспеченность врачами (в расчете на 10 тыс. жителей) составляет 1/5 от уровня горожан. С 1990 г. по 2017/18 гг. число школ сократилось почти на 25 тыс., наблюдается нехватка детских садов, сокращается число больниц, магазинов, развлекательных учреждений, молодежь уезжает в города и т.д. Иными словами, заключает профессор Окада, происходит упадок российской деревни.

Как отмечалось, в третьем разделе работы дается оценка сущности как советского социализма, так и российского капитализма.

Что касается советского социализма, то его анализ профессор Окада начинает с рассмотрения данных опроса, проведенного в 2017 г. Левада центром относительно оценки гражданами различных сторон жизни при Брежневе, Ельцине и Путине. Оказалось, что многие позитивные моменты ассоциируются именно с брежневской эпохой (наличие идеология, сильная промышленность, социальное обеспечение, ощущение радости жизни, достижения в области науки и культуры), а отрицательные – с эпохой Ельцина и примыкающей к ней эпохой Путина (бюрократизм, отсутствие уверенности в будущем, социальная несправедливость, коррупция). Но при этом прослеживались различия в зависимости от возраста и материального положения: пожилые и менее обеспеченные граждане более позитивно оценивали брежневские времена, а более молодые и обеспеченные – путинские.

Анализируя взгляды ученых разных направлений на сущность советского социализма (на основе классификации А. Бузгалина), профессор Окада не соглашается с наиболее крайними из них. А именно с представлениями о том, что это был социализм (первая стадия коммунизма), развалившийся из-за предательства Горбачева, и с утверждениями о том, что это была «историческая случайность».

Рассматривая ситуацию в области экономики, отношения собственности, отношения по поводу производства и распределения, социальную структуру, политическую систему, позиции СССР в мире и подводя баланс плюсов и минусов, профессор Окада отмечает, что в разных областях ситуация складывалась по-разному, но что в любом случае советский социализм не был чем-то, не имевшим отношение к социализму, и что его 70-летняя история оставила яркий след в истории человечества. Более того, будучи ученым-марксистом, убежденным в неизбежности наступления социализма, он называет его «важной тренировкой» для перехода человечества к этому будущему.

Большой интерес представляет анализ автором причин неудач практически всех моделей социализма, возникших в XX в. По сути, везде (в СССР, на Кубе, в ряде стран ЮВА) он насаждался насильственно, в отсутствие реальных предпосылок для социализма. Методы его построения были разными, но везде было допущено много ошибок и порождено множество человеческих трагедий. В результате все возникшие в XX в. модели социализма оказались не реальным социализмом, а его «мутацией». Что же касается XXI в., то профессор Окада убежден, что условия для перехода к социализму, которые Маркс связывал с развитием производительных сил и все большим освобождением труда, уже сформировались в высокоразвитых странах. Это не только высокий уровень образования и квалификации работников, высокая степень концентрации производства, создающая основу для введения планового управления, достигнутый уровень производительности труда, позволяющий обеспечить материальные потребности, развитая система финансов, связи и информации, но и «обобществление» производственных отношений. Последнее профессор Окада усматривает в планировании, применяемом в крупных корпорациях, государственном регулировании экономики, развитой системе социального обеспечения, наличии профсоюзов. При этом он подчеркивает, что социализм XXI в. будет построен не в результате вооруженной борьбы, а через нормы гражданского общества и на основе принципов демократического государства. Но это будет непростой путь.

Что же касается российского капитализма, то его профессор Окада оценивает весьма жестко. Детально рассматривая этапы его становления, он отмечает, что в России переход к капитализму не стал результатом революционных политических сдвигов. Для несогласных с таким поворотом событий он был замаскирован под «экономические реформы». Саму «шоковую терапию» он оценивает крайне отрицательно, считая, что одной из главных ее целей было разрушение сложившейся плановой системы. Для этого была проведена полная либерализация цен, торговли, валютных операций, спешно создавался рынок труда и финансовая инфраструктура, под лозунгом «малого правительства» сокращались расходы на социальную систему, а для достижения макроэкономической стабильности осуществлялось сжатие денежной массы. При этом либерализация внешней торговли привела к краху неконкурентоспособной промышленности и сельского хозяйства.

На фоне катастрофического положения экономики, гиперинфляции, обесценения вкладов населения быстро шло формирование класса капиталистов.

К концу 1990-х гг. в России сформировался «номенклатурный капитализм» монополистического типа, господствующие позиции в экономике заняли финансово-олигархические группы и государственные концерны. Ростки же капитализма в виде мелкого и среднего бизнеса были чрезвычайно слабы. При этом, как справедливо отмечает профессор Окада, созданные в Советском Союзе средства производства и подготовленные работники в результате, по сути, насильственных действий перешли в руки вчерашней номенклатуры.

Изменилась ли природа российского капитализма в последующие годы?

Прежде всего, профессор Окада отмечает, что с начала XXI в. ситуация в экономике начала постепенно улучшаться. Огромные доходы сырьевых компаний (в результате резкого роста цен) через цепочки производственных связей частично перетекали в смежные отрасли (торговлю, финансы, транспорт), способствуя их оживлению. В то же время благодаря их возросшим отчислениям в бюджет удалось повысить пенсии, заработную плату бюджетников, социальные выплаты. Началась реализация крупных национальных проектов, прежде всего, в сельском хозяйстве. Темпы роста экономики повысились до 6–7% в год. Чтобы избежать рисков, связанных с колебаниями цен на сырье, был создан Фонд национального благосостояния, в который поступали налоги на экспорт нефти и на добычу ресурсов. Рост экономики происходил до 2014 г. (за исключением спада 2009 г., вызванного мировым кризисом), т.е. до введения санкций, после чего началось его затухание.

Что же касается политической системы, то с приходом В. Путина началось усиление централизации власти. Он ограничил возможности олигархов влиять на власть, но одновременно усилил позиции силовиков. Они заняли ведущие посты в крупнейших государственных корпорациях. При этом были узаконены результаты приватизации 1990-х гг. Усилилось социальное расслоение: в 2018 г. 1% семей получал 20% всех денежных доходов населения и владел 58,3% всех активов.

Характеризуя сложившийся в к. 2010-х гг. российский капитализм, профессор Окада выделяет следующие черты, отличающие его от западных моделей капитализма.

Рыночная экономика России характеризуется господствующими позициями вчерашней номенклатуры, ставшей крупными монополистами. Она не только получила жирную часть государственной собственности, но и через неформальные связи с властью имеет особый доступ к разработке ресурсов, получению важной информации, позволяющей ей наращивать свои прибыли. Что касается позиций МСП, которые действительно оперируют в рыночной среде, то в России их доля в ВВП не превышает 20-22% (против 50 – 55% в западных странах). Чтобы сохраниться, они вынуждены использовать неформальные отношения с бюрократами и правоохранительными органами.

Для российского капитализма характерна относительная неразвитость рынка труда и финансового рынка. Первая особенность проявляется, в частности, в том, что здесь очень низкая доля обращающихся за пособиями по безработице и высокая доля (13,6%) работников, получающих зарплату «в конвертах». (От себя мы бы еще добавили запредельный разрыв в оплате труда рядовых работников и высших управленцев в государственных корпорациях). Что же касается финансового рынка, то в 2019 г. по степени его развитости Россия заняла 107 место из 137. Стоимость акций составляет всего 15% от ВВП (на западе – 60-90%), объем сделок на Московской бирже составляет лишь 2% от объема сделок Лондонской биржи, причем они носят в основном спекулятивный характер.

Государственное регулирование экономики также отличается от практики западных стран. Если на западе государство регулирует деятельность частных предприятий косвенными методами, то в России президент, министр, губернатор напрямую могут вмешаться в эту сферу. Это создает основу для коррупции. Что же касается национальных программ и национальных проектов, то обычно они провозглашаются при очередном вступлении президента в должность. Поскольку часто планы и источники средств для их выполнения недостаточно проработаны, многие из них остаются невыполненными. При этом и никакого подведения итогов их выполнения не проводится.

Отношения собственности характеризуются следующими особенностями. На верхушке пирамиды располагаются крупные корпорации, холдинги, финансово-промышленные группы, которые через владение акциями или через личные отношения господствуют над множеством мелких и средних дочерних и зависимых

компаний. Под ними располагается слой паразитирующих посредников, а в основании – подвергающиеся эксплуатации рабочие, не имеющие никакой собственности. Кроме того, в России немало случаев, когда крупные акциевладельцы являются одновременно и высшими управленцами, которые контролируют всю деятельность компании (принятие ключевых решений, проведение инспекций, установление особых отношений с бюрократией, создание собственных служб безопасности и т. д.). В западных странах капитал-собственность и капитал-функция в большинстве случаев разделены.

Наконец, в качестве особенностей российского капитализма профессор Окада отмечает значительную роль государственного сектора и ориентированную на сырьевой экспорт модель экономики. Что касается государственного сектора, то он, прежде всего, обращает внимание на быстрый рост после 2003 г. числа государственных корпораций – со 100%-ной долей государства или с контрольным пакетом акций у государства (к первым относятся, например, Роснано, Росатом, Ростех, ко вторым – Газпром, Роснефть, Аэрофлот). Как отмечалось, высшие посты во многих из них заняли силовики, и в этом профессор Окада видит резкое отличие от функционирования государственного сектора на западе. Более того, он полагает, что эти корпорации действуют не столько в интересах государства и народа, сколько в интересах кланов, находящихся у власти.

Что касается модели экономики, ориентированной на экспорт сырья, то профессор Окада приводит целый ряд цифр, иллюстрирующих сложившуюся ситуацию, и одновременно показывает порочность ориентации на такую модель развития. Так, например, в 2018 г. доля сырья в экспорте России составляла почти 65%, а за счет налогов обеспечивалось 46,3% доходов бюджета. В то же время в новой России произошла деиндустриализация, производство станков и оборудования сократилось наполовину по сравнению с советским периодом, до 30% внутреннего спроса удовлетворяется за счет импорта. При этом доля России в мировом экспорте продукции высоких технологий составляет всего 0,5%, а доля затрат на НИОКР в ВВП (1,1%) – 1/3 от показателей западных стран. Такая модель, по мнению профессора Окада, не имеет перспектив. Во-первых, она порождает известную «голландскую болезнь»; во-вторых, в долгосрочной перспективе мировой спрос на энергетическое сырье может сократиться;

в-третьих, согласно расчетам, запасов нефти в России хватит лишь на 30 лет, кроме того, повышается себестоимость добычи нефти и газа.

Из анализа российского капитализма профессора Окада напрашивается вывод, что, как и советский социализм, он представляет собой некую «мутацию», по многим характеристикам весьма далекую от моделей, существующих в XXI в. в развитых странах.

Заключая рецензию, хотелось бы не только воздать должное уровню профессионализма и трудолюбию профессора Окада, позволившим ему написать столь масштабный аналитический труд, но и выразить ему благодарность за то, что, несмотря на непростые времена, он продолжает изучать Россию, знакомя японскую аудиторию с полной драматизма историей ее северного соседа.

References

Okada, Susumu. (2022). *Soren shakaishugi kara Roshia shihonshugi e. Roshia shakai to keizai-no 100 nen* [From Soviet Socialism to Russian Capitalism. A Hundred-Year History of Russian Society and Economy]. Tokyo: Toshindo. 260 p. (In Japanese).